

АЛЕКСАНДР
БЕЛОВ

**ПЛЕННИКИ
РУБИНОВОЙ
РЕКИ**

Москва

АЛЕКСАНДР
БЕЛОВ

**ПЛЕННИКИ
РУБИНОВОЙ
РЕКИ**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б43

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Н. Каштыкиной*

Белов, Александр Владимирович.
Б43 Пленники рубиновой реки : [роман] / Александр Белов. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-222304-4

Вера — редактор телевизионного шоу про экстрасенсов — встретила на съемках свою первую любовь, но оба сделали вид, что незнакомы. Тринадцать лет назад они вместе пережили пугающую историю: решили провести ночь на бывшем кладбище ведьм, и это закончилось трагически. Все эти годы Веру терзало чувство вины, вдобавок ее преследовали страшные сны о белоглазом вороне...

Марк считал, что любовь к Вере осталась в прошлом. Он стал актером и получил предложение сыграть колдуна в популярном шоу. После новой встречи с Верой его чувства ожили, но вместе с ними вернулись и видения о пережитом на кладбище ужасе. Ему мерещились серые тени и белоглазый ворон...

Съемочной группе предстояло провести неделю в мифической деревне ведьм, чтобы воссоздать историю, участниками которой когда-то стали Марк и Вера...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-222304-4

© Белов А.В., 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Далекое прошлое

Лодка легко соскользнула с песчаного берега, упруго оттолкнулась от воды, приняв тяжесть ступившего в нее человека. Река, спокойная, точно и нет в ней движения, застыла как в мороз лютый, лишь чернотой своей выдает: не лед то, наступишь — вмиг в пучину затаянет.

Восточная сторона уже заискрила охристыми бликами — скоро рассвет. Только солнце сегодня ему не друг, а наипервейший враг. Потому и кутался он теперь в серый балахон, тряся, точно упырь, почувявший приближение собственной гибели.

Весло плеснуло по черной глади так громко, что он, вздрогнув, заозирался по сторонам: не заметил ли кто? Не услышал ли? Нужно быть осторожнее, если он хочет провести все так, чтобы уже никто не смог помешать. Сегодня исходил он из жизни прошлой, кроме которой и не знал о другой, в жизнь новую, пока неизвестную, оттого и страшную. Да только тянуло его к новому берегу пуще неволи, никакого спасу нет от зуда, который в голове поселился: ни спать не дает, ни есть.

Новый взмах весла. Он даже похвалил себя за умение: звука почитай никакого, а лодку оттолкнуло от воды так, будто трое на весла насели.

АЛЕКСАНДР БЕЛОВ

А солнце меж тем уже подсматривает из-за горизонта, грозит первым лучом. Вон уже и блики по ряби водной стелются.

Он отпрянул от края лодки.

Не успело еще светило небесное до земли дотянуться. Неоткуда здесь свету взяться. Отец настоятель говорил: то мавки забавляются. Кто поглупее да алчностью наполнен, решит, будто сокровище нашел, а знающий-то попробует спасти того, кто со дна поднимается. Правда, не удавалось пока ни одному ничего из названного. Потянешься к пятнышку яркому, только ладонь в темноту опустишь, как тут же хваткие пальчики за запястье сцапают да утащат. А там уже и косточек не найти. Мавки — кровожадные, сперва поиграют с обреченным, опосля хватку ослабят, мол, пльиви добрый человек, мы не держим. А куда плыть-то, коли до призрачного спасения над головой целая пропасть?

Бывало, и сжалится нечисть, сразу обреченному шею сворачивает. Но все равно отпускала — и тело, душой влекомое, к поверхности поднималось. Для мавки свет души человеческой хуже меча разящего. А коли душа праведная, так и весь выводок извести можно. Вот и отпускают они душу-то: пуцай летит, она тварям богомерзким без надобности. Пока дух от тела отделяется, мавка очи ладошками прикрывает, а по воде искры пляшут.

Впору бы перекреститься, да там, куда он теперь держал путь, знамение такое не приветствуется. Отвернулся он от господа, значит, и помощи просить не имеет права.

Рука нырнула за ворот, выудила нательный крест. Простой совсем, медный, хоть и блестит на солнце отполированными гранями. Ему бы хоть разок на блеск тот глянуть, может, и повернул бы обратно, передумал бы совершать задуманное. Но солнце сего-

Пленники рубиновой реки

дня было его врагом. Лютым и непримиримым. Потому, наверное, и пряталось, не спешило показываться.

Только лишь проклятые мавки освещали его путь.

Веревка, на которой висел крест, натянулась, впиваясь в шею, и лопнула, не выдержав натяжения. Он все же посмотрел на крестик в раскрытой ладони, а после не раздумывая швырнул его в воду. Даже не заметил, что на оборванной веревочке болталась уже засушенная птичья лапа, а вовсе не его медное сокровище.

Прислушался.

Не было ни криков, ни визга обожженной святым распятием нечисти. Может, врал ему настоятель и нет никакой темной силы? Он-то, дурак, окромя монастыря, ничего же не видел. Верил всему сказанному, жил по писаниям.

Так если нечисти нет, выходит, и греха никакого не будет?

Ох и развеселила его такая мысль настолько, что он сам едва не свалился за борт лодки, встав во весь рост не таясь. Водятся в реке мавки или они только в озерах селятся, то ему неизвестно.

А проверять не станет!

Чего доброго, ощутит на запястье холодные пальчики...

Лодка постепенно набирала ход, вода из черной превращалась в буро-зеленую, а солнце лениво, нехотя как-то показалось почти наполовину. Монастыря отсюда уже не видать, и можно было податься поперек, а не плыть вдоль берега, но что-то его держало у родной земли, не давало свернуть.

Вдруг лодку качнуло со стороны носа, будто кто на себя ее потянул. Сердце зашло в лихорадке, но сразу отпустило, когда он понял, что стало тому виной. Крупный ворон уселся на край, склонил голову вбок, наблюдая. Лапы поджаты, крылья торчат в стороны, но не улетает, сидит.

АЛЕКСАНДР БЕЛОВ

— Сгинь, нечисть! — махнул рукой, едва не выронив весло.

Ворон оттолкнулся, взлетел. Сделал круг над его головой и камнем рухнул в воду, подняв брызги.

— Вот же бес пернатый!

Он сплюнул за борт лодки, посильнее ухватил весло, звякнувшее в проржавевшей уключине. Хотел уже продолжить грести, да вода сделалась гуще дегтя. Неужто мавка и впрямь уцепилась? Тут уж не до смеха ему стало. Ноги задрожали, ослабнув. Он рухнул на колени, не почувствовав боли, хотя и бухнулся о деревянное дно хорошенько. Занесенная по привычке ко лбу рука повисла безвольной плетью. И то ли в глазах потемнело, то ли солнце за тучу зашло, да только вода в реке вновь почернела, а на лодку со всех сторон посыпались drobные удары, точно кто-то молоточком простукивал.

Кое-как добрался он до края, в воду глянул и едва чувств не лишился. Всюду, сколько хватало обзора, реку покрывали вороныи тела. Они извивались и корчились, выворачивали шеи, отчего те с хрустом ломались и из раскрытых клювов вытекала черная, густая кровь.

Как только отнявшаяся рука вновь обрела чувствительность, схватил весла, налег изо всех сил и... лодка легко поддалась.

Не было больше воронов. Солнце полностью выбралось из-за темной линии горизонта, умывало лучи в речной прохладе.

— Померещилось, — стирая испарину со взмокшего лба, прошептал он. — Померещилось, и не было ничего. — И повторил уже более уверенно: — Конечно — не было!

Он правил лодку к тому берегу, где ждала его новая жизнь, и не видел, как на оставленном берегу седовласый, но крепкий старец отбросил в сторону не нужное ему больше тельце вороненка.

Пленники рубиновой реки

Тринадцать лет назад

Повешенный был на своем месте, раскачивался в петле точно на качелях и, кажется, смотрел с усмешкой. Хотя какая усмешка, если лица у него не было вовсе — только бледной кляксой, размытое пятно... Эта неестественная белизна пугала, выделяясь в кромешной тьме. Складывалось ощущение, что, кроме нее и покойника, болтавшегося на веревке, конец которой терялся в клубящейся темноте, не существует больше никого и ничего.

Даже собственные ладони увидеть никак не получалось, в то время как голос в голове настойчиво твердил о необходимости сделать это немедленно. Голос оставался единственным проводником в этом ледяном мире, ставшем вместилищем ее личного кошмара.

Ей потребовалось немало усилий, чтобы шевельнуть одним пальцем; она не видела, просто чувствовала: так оно и есть.

А голос постепенно затухал, тишина сильнее давила на барабанные перепонки, в висках набатом пульсировала кровь.

Было холодно и страшно.

Так случалось всякий раз, когда она возвращалась в это место, где будто попадала в фильм, который видела не единожды и выучила наизусть каждую сцену. Изменить хоть что-то невозможно, ведь фильм уже снят и остается одно — наблюдать за происходящим на экране. А поверить в то, что фильм — просто выдумка, никак не получалось. Она хотела представить, как раздастся голос режиссера, оповещающая об окончании работы, погаснут софиты, актеры смоят грим, сдадут костюмы, чтобы снова жить своей обычной жизнью. Представить тоже не получалось, ведь она уже

АЛЕКСАНДР БЕЛОВ

находилась внутри собственной головы, откуда был лишь один выход — в кошмар реальный и осязаемый.

Сценарий написан не ею, пойти против него не получится. И хотя голос заставлял верить в обратное, она сдалась.

Как обычно.

Покойник тем временем дернул головой: неудобно ему в петле, туго. Непослушные руки с нереально длинными пальцами потянулись к веревке в бесплодной попытке если не освободиться, то хотя бы ослабить узел. А с соседней ветки за его манипуляциями спокойно наблюдал крупный ворон, зыряка налитыми мутной белизной глазами.

Внезапно к страху от близости монстра прибавилось еще кое-что — ощущение постороннего присутствия. Сколько раз она возвращалась сюда — и никогда не чувствовала ничего, кроме проникающего, казалось бы, под кожу холода. А теперь вот появилось нечто новое. И новое это пугало куда сильнее, оставаясь невидимым и неуловимым. Краем глаза она заметила быстрое движение: кто-то или что-то кинулось в сторону и замерло у нее за спиной.

Голос в ее собственной голове делался все тише. Она изо всех сил хваталась за ускользающие слова, понимая, что снова не справилась.

Не смогла.

Струсила.

Голос дрелью буравил лоб, наматывая на спираль сверла обрывки самообладания, требовал посмотреть висельнику в лицо-кляксу, что у нее почти получилось.

Малодушное «почти» заскребло острым когтем по черепу изнутри, захотелось сжать виски, раздавить боль точно спелую ягоду, чтобы услышать упругий хлопок, а после размазать подушечками пальцев липкий сок. У нее почти получилось.

Пленники рубиновой реки

Снова почти...

И получилось бы, если бы покойник не начал вдруг трястись в конвульсиях, верещать на всю округу.

От этого пронзительного крика кровь в жилах ментально выстыла, забрав последние крупницы тепла. Страх сковал тело, заморозил мысли. Барабанные перепонки напряглись до предела. Наверное, поэтому звук лопнувшей веревки она уже не услышала. Увидела только, как мертвое тело, продолжая извиваться и трястись, упало на землю. Хрустнули, ломаясь, мертвые кости.

А после тишина накрыла все вокруг непроницаемым куполом.

Она уже решила, что все закончилось, когда сложившийся в нелепой позе покойник сперва шевельнулся, а потом встал на четвереньки и пополз в ее сторону. На его длинной, тощей шее болталась грязная петля, словно созданный каким-то безумным кутюрье галстук.

Она хотела сделать шаг назад, но едва не упала: нога в кроссовке по щиколотку ушла в вязкую топь. В нос ударил гнилостный запах. Ледяная вода тут же хлынула в обувь, отогнав на мгновение липкий морок. Почувствовав неожиданный прилив сил, она дернулась. Топь с влажным чавканьем выпустила ногу из захвата, оставив при себе в качестве трофея новенькую кроссовку.

Развернулась, чтобы убежать, но уже в следующую секунду оказалась в жестком захвате чьих-то рук. Бестолковая попытка вырваться ни к чему не привела. Нужно вспомнить, как выйти отсюда. Она точно знает как!

Или знала?

В голове оказалось пусто, будто там пропылесосили. Она почти физически чувствовала напряжение мозга, казалось, он пульсирует, увеличивается в размерах, но это не помогло — ни единого нужного воспоминания. Стало не просто страшно — ужас окутал ее плот-

АЛЕКСАНДР БЕЛОВ

ным, непроницаемым коконом, постепенно сжимаясь, заставляя внутренности собраться в тугий ком.

Не понять уже, кто или что держал ее, шептал неразборчиво на ухо, гладил по щеке ледяными пальцами. Даже оживший покойник замер и наблюдает. Тень, скрывающая его лицо, медленно сползла, осыпаясь пеплом на землю. Еще немного — и можно было увидеть...

...И вот, когда тень ушла с мертвого лба, пространство разорвал громкий голос с приказом проснуться...

1

— Опять уходишь? — Мать стояла в дверном проеме кухни, пока Вера, согнувшись в три погибели, одной рукой натягивала туфли, а другой пыталась удержать слетающую с плеча сумку. — Сегодня же выходной, ты обещала съездить к Мишке в больницу. Да брось ты свою сумку, оденься нормально!

— Мам, у нас экстренная съемка. — Вера ненавидела оправдываться, но с матерью такое приходилось делать очень часто. — Не все актеры могут приехать в назначенные даты, кого-то доснимаем отдельно. Сегодня очень важный день, а наш режиссер не любит, когда опаздывают.

— Ты с ума сойдешь со своими колдунами! — Она подошла к Вере, но помогать не спешила, просто наблюдала, как та справится. — Неужели нельзя было устроиться в какую-нибудь кулинарную программу? Какого ляда тебя понесло в тот вертеп?

— В вертепе, как ты выразилась, мама, очень хорошо платят. А колдуны там ненастоящие и бояться их не стоит.

— Я и смотрю, ты по ночам вскакиваешь после своих ненастоящих. — Мать все же поддержала ее под руку. — Таблетки хоть принимаешь?

Пленники рубиновой реки

— Спасибо, мама. — Вера распрямилась, сдула со лба челку. — Принимаю.

— Ладно уж, иди. На обратном пути купи хлеба и сок Мишке, я сама завтра отвезу. Тебе же некогда.

Мать развернулась, дав понять, что разговор окончен, а Вера с трудом удержалась от грубости. Она даже не знала, вернется ли сегодня ночевать. Ее работа всегда непредсказуема. И мать понимала, что все именно так, но все равно стояла на своем.

— Нет мест! — Водитель маршрутки, усталый дядька, махнул рукой и нажал кнопку на приборной панели.

Автоматическая дверь поползла в сторону, отсекая Веру от пассажиров, которым повезло подойти на минуту раньше. Люди отворачивались, стараясь не смотреть на нее, будто ощущали вину за то, что ей придется остаться здесь одной.

В груди переворачивалась ярость, невысказанная злоба не давала нормально дышать, и Вера, испугавшись, что сейчас просто возьмет и задохнется, сделала несколько глубоких вдохов. Она не дышала, а пила прозрачный воздух жадными глотками.

Майский микс из воспоминаний о недавней зиме, замешанных на крылатых ожиданиях грядущего лета, пьянил, кружил голову. Буквально на миг Вера почувствовала себя счастливой, уносясь мыслями туда, где не было болезни брата, где мать встречала ее по утрам улыбкой, а не сочувствующей гримасой с оттенками вины и осуждения одновременно.

Она хорошая женщина — ее мама. Но даже самые хорошие люди порой забывают о том, кто они такие, столкнувшись с жизненными испытаниями. И хорошие не становятся плохими, они по привычке стараются соответствовать ожиданиям других. Если от них ждут озлобленности, они просто не

АЛЕКСАНДР БЕЛОВ

могут поступить иначе. Не могут, и все тут. Даже не помня своей сути, такие люди не изменяют ей.

Вера не любила себя жалеть. Если начать, остановиться уже не получится. Она попробовала однажды и запомнила те ощущения: перед ней открылась зияющая пустотой пропасть, в которую Веру влекло необъяснимое чувство легкости и безмятежности. Пропасть ни в чем ее не обвиняла, она приглашала провалиться в нее, укутаться черной невесомой ватой, клочьями торчащей из разверстой пасти.

Вера уже почти решилась, когда на периферии зрения появилась мать. Домашний халат, в который она никогда не позволяла себе облачаться, потому как считала подобные туалеты уделом опустившихся на дно домохозяек, болтался на ней застиранной тряпкой. Дешевый, расписанный некогда яркими алыми драконами, теперь он был застиран до такого состояния, что мифические твари стали похожими на серые шланги, сваленные на заброшенной стройке. У ее матери не было такого халата и не могло быть.

Вера завертела головой, она хотела увидеть брата. Он ведь должен быть здесь. Он не бросит мать. Обязательно выйдет из больницы и станет жить как прежде. Его болезнь — это ведь не навсегда. Но его нигде не было. Только полные тоски глаза смотрели на Веру.

Мать ее осуждала? Возможно. Дети рождаются, чтобы в будущем стать поддержкой и опорой для своих родителей. Опора не должна ломаться — только гнуться. Опора не жалуется, хотя и скрипит натужно. Вера не могла быть такой опорой, ведь она уже, кажется, сломалась.

Пропасть увеличивалась, урчала сытой кошкой, а рваные ватные комья уже лежали у самых Вериних ног.